

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

УДК 16.21.43

К ОПИСАНИЮ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИХ РЕЧЕВЫХ МОДЕЛЕЙ: ФУНКЦИИ СРАЩЕНИЯ ЧАСТИЦЫ И МЕСТОИМЕНИЯ¹

© Михаил Яковлевич ДЫМАРСКИЙ

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка; Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, старший научный сотрудник отдела теории грамматики, e-mail: dym2005@list.ru

На основе разработанной концепции трехуровневой системы синтаксических моделей описывается фрагмент микросистемы моделей идентифицирующих высказываний русского языка. Трехуровневая система предполагает существование 1) базовых языковых моделей вида $N_1 V_f$, 2) речевых моделей вида *Это / N₁ V_f – Это / самолет летит*, где актуальное членение и порядок слов имеют фиксированный характер, и 3) моделей высказываний (например, {*вводн.когн. [(А, Так) это // N₁ \ V_f']*}, где строго закреплены не только актуальное членение и порядок слов, но и лексическое воплощение отдельных компонентов). В рамках описания модели {*Так вот + [вопр. предл.]!*} рассматривается ее центральный компонент – сращение частицы *вот* и относительно-вопросительного местоимения. Анализируется референция сращения, которая варьирует от конкретно-предметной до глобально-понятийной, а также его роль как интонационного (фразовый акцент падает именно на этот комплекс), структурного (именно в рамках данного комплекса формируется структурный центр модели, реализующий ментальный, по К. Бюлеру, тип дейксиса и указывающий на образ референтной ситуации) и смыслового центра модели (рассматриваются компоненты семантики сращения, существенные для семантики модели в целом). Особое внимание уделено прагматической функции сращения в составе модели.

Ключевые слова: трехуровневая система синтаксических моделей; речевая синтаксическая модель; модель высказывания; идентифицирующие высказывания; сращение *вот + вопр.-отн. мест.*

0. Вводные замечания. Предпринятое исследование опирается на концепцию трехуровневой системы синтаксических моделей, предполагающую существование 1) языковых моделей (вида $N_1 V_f$ – *Самолет летит*), 2) речевых моделей (например: *Это / N₁ V_f – Это / самолет летит*) и 3) моделей высказывания (например: {*вводн.когн. [(А, Так) это // N₁ \ V_f']*} – *А, так это, оказывается, // самолет \ летит!*) (подробнее см.: [1, с. 308-330]).

Речевые синтаксические модели – это модели,

- а) производные от языковых;
- б) обладающие более сложной структурой;

в) обладающие ограниченной вариативностью коммуникативного задания и актуального членения;

г) обладающие фиксированным с точностью до лексико-семантической группы (в отдельных случаях – до лексической единицы) способом выражения по меньшей мере одного из компонентов исходной языковой структуры.

Модель высказывания – это регулярно воспроизводимая в живой коммуникации совокупность следующих признаков отрезка речи:

а) способность быть отдельной репликой в диалоге. Этот признак тесно связан с признаками (в) и (д);

б) наличие / отсутствие модели предложения (структурной схемы), реализацию ко-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-04-00380.

торой представляет собой данное высказывание;

б') в случае наличия – характер этой модели и полнота ее реализации;

б'') в случае отсутствия – степень воспроизводимости высказывания как готового предложения;

в) типовая функция высказывания в контексте и обусловленный этой функцией характер реализации и распространения схемы (последнее для высказываний, опирающихся на структурную схему предложения);

г) характер тема-рематической организации (количество компонентов, их соотносительность с компонентами грамматической структуры, полная / неполная реализация и взаимное расположение);

д) интонационное оформление;

е) фиксированный с точностью до лексико-семантической группы (часто до лексической единицы) способ выражения по меньшей мере одного из компонентов;

ж) наличие и позиция вводных и вставных компонентов, междометий, модальных частиц, обращений.

Из приведенного перечня признаков видно, что модель высказывания представляет собой регулярную реализацию (разновидность) речевой модели и отличается от последней полной фиксированностью коммуникативного задания, актуального членения, порядка слов и интонационного оформления, а также наличия и позиции вспомогательных элементов (вводных компонентов, частиц).

Цель настоящего исследования состоит в описании лишь небольшого фрагмента системы синтаксических моделей, а именно моделей русских идентифицирующих высказываний. Задача заключается в характеристике центрального компонента одной речевой модели идентифицирующих высказываний – сращения *вот* + *отн.-вопр. мест.*

1. Краткая характеристика модели.

Идентифицирующие высказывания рассматриваемой группы строятся по общей речевой модели:

(1) { *Так вот* + [вопр. предл.]! }.

Примеры реализации модели (фрагменты, составляющие предмет нашего интереса, здесь и далее выделяются курсивом):

(2) *Так вот где таилась гибель моя!* (А.С. Пушкин. Песнь о вещем Олеге);

(3) – Нету Альки... – Н-не-ту-у? – у Пелагеи ноги подкосились – едва мимо стула не села. *Так вот кто ей махал с парохода, когда она вышла из лесу к реке!* Родная дочь. А она-то по-хорошему подумала тогда: вот, мол, какая девка у чьих-то родителей – чужому, незнакомому человеку машет. – С тем, пройдохой, уехала? (Ф. Абрамов. Пелагея / НКРЯ (здесь и далее сокращением *НКРЯ* снабжены примеры, полученные путем обращения к Национальному корпусу русского языка));

(4) *...так вот чего я боялся тогда! Так вот что предчувствовала и знала моя душа! Так вот отчего и цветочки, и поспешность наша, и боязнь оглянуться, и стремление уйти подальше, скрыться, найти какой-то свой дом на земле...* знала душа, что ей готовится, и трепетала в слабом человеческом теле! (Л.Н. Андреев. Иго войны / НКРЯ).

С логической точки зрения, любое высказывание модели (1) выражает результат умозаключения, возникающего при сопоставлении некоторой новой информации, полученной говорящим, с уже имеющейся. Новая информация может быть выражена словесно (в диалоге), как в (3), и может выводиться говорящим из наблюдаемых явлений, фактов и т. п., как в (2) и (4).

Важным компонентом модели (1) является синтаксический модуль [*вопр. предл.*] – исходно вопросительное предложение, которое целесообразно называть так потому, что в изолированном виде оно функционирует как полноценное вопросительное высказывание (о модульном принципе организации синтаксических построений [2, с. 202-222]). Его семантическая функция в составе модели (1) состоит в вербализации знания о некоторой ситуации, заключенного в пресуппозиции говорящего. Это именно та ситуация, которая в момент речи находится в фокусе внимания говорящего. Особенность пресуппозитивного знания в данном случае – в том, что оно неполное. По классификации, предложенной О.Б. Йокояма, это экзистенциальное знание, т. е. тот случай, «когда говорящий обладает пропозициональным знанием некоторого события, но не обладает специфицирующим знанием некоторых из термов»; пропозициональным знанием в этой классификации называется «мнение говорящего, что «голые» пропозиции, которые не

содержат специфичных термов, но содержат полнзначные предикаты (например, пропозиции [[кто-то где-то преподает]], [[кто-то является кем-то]] или [[кто-то куда-то уехал]], являются истинными», под специфицирующим же подразумевается «знание, которое позволяет говорящему осуществлять в таких пропозициях подстановку специфичных термов вместо неизвестных типа «куда-то» [3, с. 36-37].

Нужно уточнить, что чаще имеет место частичное отсутствие специфицирующего знания. Вещий Олег много лет назад узнал от волхва, что ему суждено принять смерть от своего коня: здесь налицо как пропозициональное знание (некто должен умереть от какой-то причины), так и специфицирующее знание (некто = Олег, причина = конь), но специфицирующее знание изначально неполно: «любимец богов» не сообщил, *каким образом* конь станет причиной смерти. Смысл ситуации многомерен: князь убежден, что ему удалось избежать судьбы, предреченной волхвом (тем самым посрамив последнего), и хочет отдать верному коню последний долг. О том, где может или могла таиться его погибель, он сейчас не помышляет; однако в момент появления змеи происходит мгновенная переоценка всех смысловых компонентов: и судьбу обмануть не удалось, и прав был все-таки волхв, и гибель действительно приходится принять от коня, но не в том смысле, в каком понял волхв князь (все варианты семантизации неизвестного компонента, которые могли прийти ему в голову и которые он постарался исключить, оказались ложными). Именно эта почти забытая ситуация – конь *каким-то образом* угрожает жизни князя, в нем *каким-то образом* таится его смерть – мгновенно актуализируется в сознании говорящего в момент произнесения реплики (2), и смысл ее – в идентификации останков коня как источника смерти. Змея, выползающая из черепа коня, и есть то звено, которого не доставало для того, чтобы специфицирующее знание князя о референтной ситуации стало полным.

Таким образом, модуль [вопр. предл.] вербализует знание о некоторой ситуации, входящей в пресуппозицию говорящего, причем для говорящего это первая полная ситуативная номинация, так как она включает только что открытое им звено специфици-

рующего знания, которого раньше не доставало. Однако звено это выражено особым образом.

2. Сращение частицы *вот* и вопросительно-относительного местоимения составляет главную особенность рассматриваемой модели (1). Обязательность этого сращения позволяет считать его своеобразным третьим компонентом модели, хотя формально частица и местоимение входят в состав других компонентов.

Термин *сращение* употреблял по отношению к комплексу *вот что*, как и ко многим другим речениям со словом *что*, Б.П. Ардентов, посвятивший отдельную книгу функционированию этого слова в русском языке [4]. По-видимому, на выбор термина оказала влияние классификация степеней фразеологизации, предложенная В.В. Виноградовым; так или иначе на протяжении всей работы автор неоднократно подчеркивает фразеологичность рассматриваемых речений, ср. в заключительном параграфе: «В образовании сращений ясно проявляется одна из сторон деятельности сознания – стремление к синтезу. Семантика отдельных слов, входящих в речение, может затемняться, и все слова в речении синтезируются – объединяются в выражении *одного значения*; само речение становится синтаксически неразложимой единицей. И чем материально, количественно меньше элемент речения, тем легче подчиняется он такому синтезу, абсорбируясь более весомой в материальном отношении частью» (курсив оригинала). Относительно комплекса *вот что* в случаях типа «*Нет, вот что я тебе скажу. Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил*» (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание) автор замечает только: «Здесь *вот* и *что* не могут существовать один без другого, что и доказывает их фразеологического порядка сращение. *Что* здесь является потенциальным вместилищем какого-то вещественного содержания».

Тезис о фразеологичности рассматриваемых сращений опровергается тем фактом, что кроме местоимения *что*, в комплекс могут входить другие вопросительно-относительные местоимения (*вот кто, вот какой, вот как, вот почему, вот зачем, вот куда, вот где* и др.). Поэтому, называя партикулярно-местоименный комплекс сращением, мы стремимся подчеркнуть его интонацион-

ную слитность и общую функцию в высказывании, но не подразумеваем его фразеологичности.

2.1. Референция партикулярно-местоименного комплекса может быть различной: под *вот что*, например, может подразумеваться и конкретный предмет (5), и событие, носящее характер вплоть до глобального (в случае (4), например, это война), и любой компонент референтной ситуации; под *вот кто*, *вот куда*, *вот где*, *вот зачем*, *вот почему* – соответственно, субъектный, локальный, целевой, причинный компоненты:

(5) – Руку поцелуй, – вдруг неожиданно сказал отец. Я до того растерялся, что вместо губ поцеловал ее в нос. Тогда она, обвисая на костылях, развернула сверток, и выпало длинное снежно-белое полотенце с безыскусственным красным вышитым петухом. *Так вот что она прятала под подушку на осмотрах* (М.А. Булгаков. Полотенце с петухом / НКРЯ);

(6) Скелеты все похожи. Я, признаюсь, не отличил бы даже женского скелета от мужского. – Нет, нет, это он, это мой бедный Хургес! *Так вот что осталось от него*. Какая несправедливость судьбы! Такой ум! Такой человек! (А.Р. Беляев. Чудесное око / НКРЯ);

(7) – А сколько вас? – Дивизия. Я не выдержал и начал хохотать по-настоящему, от души. *Так вот что ожидает немцев*, сейчас пойдущих в атаку, чтобы раздавить единственный несчастный эскадрон (Н.С. Гумилев. Записки кавалериста / НКРЯ);

(8) *Так вот что могла бы рассказать другая сторона, мужики*, если бы их спросили (В.Г. Короленко. В голодный год / НКРЯ);

(9) – Тимочка? Ты ли это? – весело смеясь, спросила Аленка, глядя на мокрого, всего покусанного и опухшего Тимку. – *Так вот кто нас пугал*, – засмеялся Федя (В. Постников. Шапка-невидимка / НКРЯ);

(10) «Как, разве все тут? шутите!» – «Ей богу». – «*Так вот куда октавы нас вели!* К чему ж такую подняли тревогу, Скликать рать и с похвальбою шли? Завидную ж вы избрали дорогу! Ужель иных предметов не нашли? Да нет ли хоть у вас нравоученья?» (А.С. Пушкин. Домик в Коломне / НКРЯ);

(11) – Зачем он тебя прислал? – повторила Настя, едва переводя дух. – Пяльцы чинить. «*Так вот зачем Фленушка пяльцы-то*

ломала», – подумала Настя. – Чини, коли прислан, – сказала она, отходя к другому окошку (П.И. Мельников-Печерский. В лесах / НКРЯ)

(12) Что-то жалкое, жалобно-бабье было в этом пучке, не откровенная длинноволосость современных парней, а нечто скрытое, прячущееся... «*Так вот почему он не снимал шляпу*», – сообразила я, и опять мне вспомнился запах, на этот раз понятный, – запах ладана, и тут я поняла – священник (И. Грекова. В вагоне / НКРЯ).

Особняком стоят высказывания с *вот какой*:

(13) – Bravo! – завопил Иван в каком-то восторге, – уж коли ты сказал, значит... Ай да схимник! *Так вот какой у тебя бесенок в сердечке сидит, Алешка Карамазов!* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы / НКРЯ).

Если (1) представляет собой речевую синтаксическую модель, то приведенные примеры демонстрируют ее производные – модели высказываний, которых больше, чем разновидностей партикулярно-местоименного комплекса, поскольку местоимение в составе [вопр. предл.] может выполнять различные синтаксические функции:

(5.1) *Так / вот что*₄ \ N₁ V_f;

(6.1) *Так / вот что*₁ \ V_f;

(13.1) *Так / вот какой*_{Attrib} \ N₁ V_f;

(14) *Так / вот какой*_{Praed} \ Cop N₁ и т. д.

Модели высказываний, производные от речевой модели (1), а также другие аспекты последней будут описаны в отдельной работе.

2.2. Срещение *вот + вопр.-отн. мест.* является центром модели во всех отношениях: интонационном, структурном, смысловом.

2.2.1. Частица *вот*, выделяемая, как уже сказано, сильным фразовым акцентом, «передает» часть этого акцента местоимению – по общему закону интонационного выделения, согласно которому в русском языке выделительная частица находится в препозиции по отношению к выделяемому слову, причем сила акцентного выделения частицы, во-первых, прямо пропорциональна степени эмоциональности высказывания, а во-вторых – не мешает идентификации выделяемого слова в качестве ведущего носителя смысла.

2.2.2. В структурном отношении компонент *вот + вопр.-отн. мест.* является центром модели по той причине, что именно в

нем происходит интеграция партикулярного комплекса *так вот* и [вопр. предл.] в единое целое (1).

Если судить по таким примерам, как (2) или (5–6), можно прийти к выводу, что частица *вот* выступает здесь в своей основной функции дейктического слова, указывая на нахождение предмета речи вблизи говорящего, в зоне его (и, как правило, других участников ситуации, если они есть) непосредственной досягаемости. Однако такие примеры, как (3–4), с очевидностью демонстрируют поспешность этого вывода: в (3) предмет речи (тот, кто махал Пеллагею с парохода, то есть ее дочь Алька) находится далеко от говорящего, в (4) предмет речи (война) таков, что он вообще не подпадает под действие пространственного дейксиса, поскольку высказывания типа *Вот это – война* (где *вот это* является эквивалентом указательного жеста) возможны только в метонимическом смысле, когда войной именуется ее наблюдаемые проявления, или в воображаемой ситуации наподобие ящика Максудова в «Театральном романе» М.А. Булгакова.

Тем не менее, дейктичность частицы *вот* во всех рассматриваемых примерах сомнений не вызывает. На что же она указывает?

Присмотримся внимательнее к примеру (3). В момент речи (имеет место несобственно-авторская речь) перед мысленным взором героини стоит ситуация, неизвестный компонент которой теперь, наконец, идентифицирован. Именно к этому образу ситуации (если точнее – к его компоненту, который находится в центре внимания говорящего, но тем самым и к образу ситуации в целом) и отсылает частица *вот*: если это и пространственный дейксис, то настолько отличный от прототипа, что для него стоит ввести отдельное наименование. Назовем этот тип дейксиса **ментальным**. Значение частицы *вот* в ментально-дейктической функции может быть интерпретировано как 'здесь и сейчас в моем сознании', т. е. частица указывает на образ ситуации, здесь и сейчас находящийся в активной зоне сознания говорящего. Тем самым частица подчеркивает и тот факт, что идентифицирующее умозаключение произведено говорящим только что.

Таким образом, в модели (1) частица *вот* выполняет двойную функцию: во-первых, она реализует ментальный тип дейксиса и

указывает на образ референтной ситуации, здесь и сейчас активный в сознании говорящего, подчеркивая факт только что произведенного умозаключения; во-вторых, она вносит в высказывание важный прагматический оттенок эмоциональной близости референтной ситуации говорящему, его затронутости ею.

2.2.3. Семантически сращение *вот* + *вопр.-отн. мест.* эквивалентно указательному местоимению: *вот что* ≈ *это*, *вот куда* ≈ *туда*, *вот какой* ≈ *такой* и т. д. Однако «в отличие от местоимения *это* сращения типа *вот что* сохраняют большую знаменательность. Они информационно более насыщены и разнообразны», – писала Г.Н. Акимова, посвятившая сращениям этого типа и их различным функциям целый параграф ([5, с. 115–125; цитированный фрагмент – с. 120]). Большая информативная насыщенность (эта квалификация представляется более точной, нежели «большая знаменательность») рассматриваемых сращений заключается в наличии дополнительного смысла возникновение нового знания (как было указано выше – специфицирующего). Если в любом из приведенных выше примеров реализации модели (1) заменить сращение *вот* + *вопр.-отн. мест.* соответствующим указательным местоимением, то полученные варианты окажутся не вполне эквивалентны исходным:

Так вот где таила лась погибель моя! ≠ *Так здесь таила лась погибель моя!*

Так вот что предстало мне в этот тоскливый день! ≠ *Так это предстало мне в этот тоскливый день!*

Так вот что она прятала под подушку на осмотрах... ≠ *Так это она прятала под подушку на осмотрах...*

Для достижения большей близости вариантов с указательным местоимением исходным высказываниям в них требуется ввести показатель, акцентирующий внимание на новизне устанавливаемой референции и на актуальности этого нового знания для говорящего. Таким показателем может быть вводный компонент с когнитивным значением:

(15) *Так здесь, оказывается, таилась погибель моя!*

(16) *Так это, выходит, предстояло мне в этот тоскливый день!*

(17) *Так, значит, это она прятала под подушку на осмотрах...*

Обобщая, можно сказать, что семантика рассматриваемых сращений включает следующие компоненты: 1) указательность (дейкτικότητα), обеспечиваемая частицей *вот*; 2) категориальная принадлежность (пропозициональность, предметность, признаковость), передаваемая типом вопросительно-относительного местоимения; 3) новизна устанавливаемой референции партикулярно-местоименного комплекса; 4) актуальность нового знания (то есть устанавливаемой референции) для говорящего. Не случайно вводные компоненты с когнитивным значением легко вводятся и в высказывания рассматриваемого типа: сглаживая их аффективный характер, они логически подчеркивают (дублируют) два последних семантических компонента (*Так вот, оказывается, что она прятала под подушку на осмотрах...*).

2.3. Сращение *вот + вопр.-отн. мест.* является центром модели и в прагматическом отношении. Суть дела в том, что для номинации нового (специфицирующего) знания избирается не полноценная номинативная единица, а средство, имеющее дейктическую природу. Элемент аффекта, входящий в семантику модели (1), возникает в значительной степени благодаря именно этому факту: степень изумления говорящего от свершившегося открытия такова, что он стремится выразить прежде всего эмоцию, еще не находя слов для номинации термина. Многие контексты употребления модели (1) как раз и демонстрируют не только первый, но и второй речевой шаг, на котором референт сращения *вот + вопр.-отн. мест.* получает полноценную номинацию:

(2') *Так вот где таилась погибель моя! Мне смертью кость угрожала!* (А.С. Пушкин. Песнь о Вещем Олеге);

(7') – А сколько вас? – Дивизия. Я не выдержал и начал хохотать по-настоящему, от души. *Так вот что ожидает немцев, сейчас пойдущих в атаку, чтобы раздавить единственный несчастный эскадрон. Ведь их*

теперь переловят голыми руками (Н.С. Гумилев. Записки кавалериста / НКРЯ).

2.4. Из сказанного следует, что сращение *вот + вопр.-отн. мест.* обладает как сильной анафорической, так и не менее сильной катафорической функцией: оно может быть одновременно кореферентно элементам и левого, и правого контекста. Кореферентные элементы могут быть выражены единицами номинативного, предикативного и сверхфразового уровней. При использовании модели (1) не обязательно реализуются обе функции: например, в (5) очевидна анафора, а катафора не используется; в (2'), (7') и др. наблюдается реализация обеих функций; в (18) анафора не просматривается, в то время как катафорическая функция очевидна:

(18) Панихида была назначена в пять часов, я пришла минут на десять раньше. *Так вот что предстояло мне в этот тоскливый день!* Тоскуя и не зная, куда себя девать, я не могла предугадать, что этот день – число и месяц – никогда не забудутся, что этот день вырастет в памяти людей в дату и будет эта дата жить, пока живет русская поэзия (Н.Н. Берберова. Курсив мой / НКРЯ).

Сильная ана- и катафорическая направленность обеспечивает сращению *вот + вопр.-отн. мест.* широкий круг функций, помимо модели (1): оно используется в качестве изолированных фразеологизированных реплик (*Вот как?; Вот (оно) что!*), в качестве обязательного элемента сегментированных конструкций (*Красота и здоровье – вот что ценилось здесь больше всего; Вот что: убирайтесь-ка отсюда подобру-поздорову*), в качестве анафорического или катафорического элемента в бессоюзных сложных предложениях и др. (дополнительные примеры см. в [5]).

2.5. Множественность функций сращения *вот + вопр.-отн. мест.*, и в особенности семантическое единство этого комплекса, ведет к парадоксальному следствию: несмотря на то, что местоимение в составе сращения может иметь собственное словесное ударение (в случаях неоднозначности местоимения: *вот зачем, вот почему, вот куда*) и может не иметь его (*вот что, вот кто, вот как*), весь комплекс функционирует как одно фонетическое слово. Главную роль в этом играет тот факт, что сращение является единственным акцентоносителем; сила интегрирующе-

го эмфатического акцента такова, что словесное ударение, если местоимение им и располагает, оказывается в данном случае неспособным отделить местоимение от частицы.

1. *Дымарский М.Я.* От моделей предложения – к моделированию высказывания // Славянское языкознание: 15 Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации. М., 2013.
2. *Дымарский М.Я.* Как-конструкция в фокусе конкуренции иннективного и коннективного синтаксиса // Вопросы русского языкознания: сборник. Вып. 14. Грамматика и текст (К юбилею Г.А. Золотовой). М., 2011.
3. *Йокояма О.Б.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.
4. *Ардентов Б.П.* «Что» в современном русском языке. Кишинев, 1973.

5. *Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.

1. *Dymarskiy M.Ya.* Ot modeley predlozheniya – k modelirovaniyu vyskazyvaniya // Slavyanskoe yazykoznanie: 15 Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov. Minsk, 2013. Doklady rossiyskoy delegatsii. M., 2013.
2. *Dymarskiy M.Ya.* Kak-konstruktsiya v fokuse konkurentsii innektivnogo i konnektivnogo sintaksisa // Voprosy russkogo yazykoznanija: sbornik. Vyp. 14. Grammatika i tekst (K yubileyu G.A. Zolotovoy). M., 2011.
3. *Yokoyama O.B.* Kognitivnaya model' diskursa i russkiy poryadok slov. M., 2005.
4. *Ardentov B.P.* "Chto" v sovremennom russkom yazyke. Kishinev, 1973.
5. *Akimova G.N.* Novee v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka. M., 1990.

Поступила в редакцию 9.08.2014 г.

UDC 16.21.43

ABOUT DESCRIPTION OF IDENTIFYING SPEECH MODELS: FUNCTIONS OF CLUSTER OF PARTICLE AND PRONOUN

Mikhail Yakovlevich DYMARSKIY, The Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department; Institute of Linguistic Studies RAS, Saint Petersburg, Russian Federation, Senior Scientific Worker of Theory of Grammar Department, e-mail: dym2005@list.ru

Based on the developed concept of a three-level system of syntactic models the fragment of micro models identifying statements of the Russian language is described. The three-level system suggests 1) basic language models (cf. $N_1 V_f$ – *Самолет летит / The jet flies* which provides a number of communicative variations), 2) speech syntactic models (cf. *Это / N₁ V_f – Это / самолет летит / [there is no straight English equivalent, ≈ This is a jet flying]*, where the functional sentence perspective and the word order are fixed, and 3) utterance models (for example, {*вводн. когн. [(А, Так) это // N₁ \ V_f]} – *А, так это, оказывается, // самолет \ летит!* / ≈ *Ah, so this is // a jet \ flying!*, where the functional sentence perspective, the word order and the certain words are strongly fixed. Within description of model {*Так вот + [вопр. предл.!]*} its central component, cluster of particle *вот* and relative interrogative pronoun, is considered. The reference of cluster, which varies from concrete subject to global notion, and its role as intonation (phrase accent stresses exactly on this complex), structural (within the given complex the structural center of model realizing the mental according K. Bluler, type of deixis and stressing on image of referent situation is formed) and content center of model (the components of semantics of cluster which are important for semantics of model as a whole are considered) is analyzed. The special attention is given to pragmatic function of cluster in composition of models.*

Key words: three-level system of syntactic models; basic language model; speech syntactic model; utterance model; identifying utterances; merge *вот* + IntRel Pronoun.